

Глеб Иванович Успенский

Бойцы

Глеб Иванович Успенский

Бойцы

**Серия «Растеряевские
типы и сцены», книга 1**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664555*

Аннотация

«... вспомнил я одного мастерового, с которым познакомился, толкаясь в народе; он очень нравился мне своею понятливостью и знанием всей подноготной городка N. «Я, – говорил он мне, – понимаю все дела в существе, то есть вижу их настоящую тонкость», и действительно: надо отдать ему справедливость, иногда он видел довольно обстоятельно многие провинциальные неуклюжести. Семинаристы, с которыми он водил постоянные знакомства, снабжали *его* разного рода сочинениями и старинными журналами, вследствие чего талантливый приятель мой возымел желание заниматься сочинительством и не раз нашивал ко мне читать разные собственные произведения; в них изображались разные неправды, достойные обличения, сатиры на кварталных, обличение подлости цирюльника Ивана и проч. ...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

Бойцы

I

Нестерпимо скучно становилось сидеть на подворье: на дворе стояла самая страшная послеполуденная жара, солнце било прямо в окно, из коридора тянуло в незатворявшуюся дверь самоварным дымом. Ко всему этому необходимо прибавить целые тучи мух, от которых, в буквальном смысле, не было «отбою», и непомерную тишину, повсюдное царство сна. Изредка на дворе погромыхивали бубенчики, кусались и взвизгивали лошади, и потом снова слышалось только жужжанье мух, опрометью пронсящих мимо уха. День вообще выдался отъявленный относительно скуки. Город не имеет ни окрестностей сколько-нибудь живописных, ни воды, ни лесу; камни-голыши да опаленные солнцем холмы. В довершение всех несчастий моих в этот день я не мог раздобыть ни одной книжонки, так как книжная лавка была заперта с утра, и когда отопрется – известно, было только богу.

В такое-то скучное время вспомнил я одного мастерового, с которым познакомился, толкаясь в народе; он очень нравился мне своею понятливостью и знанием всей подноготной городка N. «Я, – говорил он мне, – понимаю все дела в

существо, то есть вижу их настоящую тонкость», и действительно: надо отдать ему справедливость, иногда он видел довольно обстоятельно многие провинциальные неуклюжести. Семинаристы, с которыми он водил постоянные знакомства, снабжали *его* разного рода сочинениями и старинными журналами, вследствие чего талантливый приятель мой возымел желание заниматься сочинительством и не раз нашивал ко мне читать разные собственные произведения; в них изображались разные неправды, достойные обличения, сатиры на кварталных, обличение подлости цирюльника Ивана и проч. Впрочем, кроме произведений обличительных, было у него одно творение – исключительно художественное, носившее такое заглавие: «Злополучная Лиза, или что значит пойти против своей матери, и какие бывают подлецы. Сушая правда». Все эти произведения были нацарапаны на лоскутках бумаги, случайно попадавшихся ему под руку.

– Ничего не разберу! – читая собственные каракули, бормотал, краснея, Зайкин, – вчерась, и то насилу ночью урвался «пописать...» От одной матери что крику было, – кажется, сохрани господи лихого татарина от этого оранья... Страсть!.. Кой-как царапал, да теперь вон и не разберу ничего... Это что такое? Пообе... Пообедав... ши. Э... э... э... Пообе... Что за дьявол!.. Тьфу! Ну ее!

Так иногда нам и не приходилось разобрать произведения.

К этому-то другу и приятелю моему и отправился я. Жа-

ра до того была смертоносна, что пот выступил мгновенно, словно от испуга или неожиданного обжога. Я старался пробираться в тени под заборами. Пока путь мой лежал в центре города, дело обходилось еще кое-как: иногда подвертывался большой купеческий забор с гвоздями наверху, иногда казенное здание, затоплявшее собственную тенью не только улицу, но и несколько близлежащих кварталов, так что вообще идти было сносно; но когда мои ноги с тротуаров и булыжных мостовых ступили на немощеную почву губернских закоулков, голова моя тотчас же поступила в полную власть смертоносного зноя: заборы и лачужки, лепившиеся по бокам улицы, были до того малы, что не могли дать ни крупинцы тени. Глаза невольно закрывались, в висках и во лбу чувствовалась страшная тяжесть, и в моменты этого расслабления как-то особенно потрясающе действовал неистовый лай до невозможности соскучившихся собак, злые морды которых поминутно высовывались в разные прорехи заборов.

За маленькими заборами виднелись клоки травы, поедаемые телятником, привязанным веревкой к дереву, крошечная баня с опрокинутой у двери корчагой золы, стул, еле держащийся на ногах и поставленный здесь по случаю приготовления варенья, о чем свидетельствует выжженный на земле круг. Посреди улиц, усеянных сапожными обрезками, железными выварками, стклянками и ворохами какой-то кухонной шелухи, ребятишки играли «в Севастополь», ради чего запускали друг в друга горстями песку и пыли, протирали

глаза, ревели и бежали жаловаться... Из одних ворот выскочил какой-то пьяный мастеровой, босиком, в одной рубахе с оторванным воротником. Голова его была всклокочена и нос разбит до крови. Начались крик и брань на всю улицу; выскочили какие-то бабы, солдаты, тоже подгулявшие.

Остановившись у лачуги, в которой обитал Зайкин, я постучал в окно, состряпанное из кусков побуревших стекол, и скоро в окне показалась фигура девицы-мещанки в растерзанном платье. Рукою, обнаженною, благодаря разодранному рукаву, до самого плеча, она как-то испуганно отворила окошко и пискливо произнесла, предварительно вспыхнув:

– Кого вам?

– Гаврилу Иваныча.

– Ах-с... Гаврилу-с... Он сейчас... Ах, господи!

Девица переконфузилась и засовалась по комнате.

Несмотря на грязь шеи, ушей и вообще всей физиономии, она зарделась, как маков цвет.

– Они сейчас идут.

Скоро отворилась калитка, и Зайкин предстал моим взорам весь мокрый...

– А, дорогие гости, – весело говорил он. – А я умываюсь... Жарко... Цыц! Пошел прочь! Шарик!.. Молчать!.. Пожалуйста-с. В сад не угодно ли?

– Пойдемте.

– Сделайте милость, я сейчас стульчик вам... Маша! Стул... Нет ли там стульев каких? Ай вы оглохли?..

– Да не суетись!

– Что такое, господи! Стулья у нас есть, сколько угодно...

Маша! Поищи-кось там каких-нибудь стульев, покрепче какой... Все переломано!.. Пожалуйста пока в беседку... там того... тумбы этикие. Присядьте покуда.

Зайкин пустился за стульями и скоро притащил их целую пару.

– Орал, орал, а она, шельма, забила в угол... боится, – бормотал он, расставляя стулья.

– Кто?

– Да Марья! Вот этот никак покрепче стул-то... Али этот? Нет, вот, вот! Прошу покорно!.. Такая дурашная девка... Со всем как очумелая. Мать-то уж очень травленая баба, ну, и... Жильцы наши...

Зайкин был в рабочем фартуке. Поставив стул рядом с моим, он опустился на траву и прилег.

– Жара! – произнес он спустя немного.

– Да и скука...

– Ай вы скучаете?

– А что?

– Да как же? Чему вам-то скучать? У вас, кажется, первое удовольствие книга, лежи да почитывай.

– Книг-то нет. Лавка заперта.

– Да, да, да, я и забыл совсем. У них, у этих книжников, поминки сегодня... Бабка умерла. Так они поминают... так, так! Еще вчерась вечером в Гостевку (загородный трактир)

на извозчике подрали. Теперь, должно, сутки через двои за дело возьмутся, пока не опомнятся... Так... так!..

Мы замолчали; в это время за забором послышался сердитый разговор.

– Подай лимон! – говорил мужской голос.

– Иван Петрович! Ну пойми же ты ради самого бога, что нету у меня лимону... – жалобно и робко отвечал женский голос.

– Жен-на! Я что говорю? Что я упомянул? Ты видишь, кто это?

Молчание.

– Это кто такое? Гость? Дорогой или нет? а? Для меня он дорог! Понимаешь ли это? Мы на одной доске... Понимаешь?.. Дорог мне!

– Да это, господи, кто ж про это...

– Ну и кончено!

– Мы их вполне уважаем и всегда...

– Н-ну и кончено! Что ж тут ломаться-то? Из-за чего тут куражиться-то? Понимаешь ты это или нет? Готов я ему отдать рубашку последнюю? Как ты полагаешь? Готов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.